

Долго ли я находился въ такомъ адскомъ томленіи, не знаю; оно казалось вѣчностью. Я изнываю. Но... не сонъ ли это? мнѣ чудится, что наступилъ уже конецъ моему мученію. Да, вѣрно, я освобожденъ изъ лапы чудовища, и это произошло въ одно мгновеніе. Какъ это случилось, объяснить не съумѣю. Помню одно, что очнувшись отъ страха, прежде всего я почувствовалъ подъ собой нѣчто смрадное, что въ особенности было разительно послѣ исчезнувшаго благоуханія отъ тигра. Охъ, какая мерзость, я вижу около себя уродливыя ножища. Гдѣ тѣ обворожительныя ножки, которыми я не успѣлъ полюбоваться, которыя уже далеко остались позади. Подлый тигръ, зачѣмъ не оставилъ меня съ ними! Но что же теперь-то со мной? Слегка уже опомнившись и приободрившись, я рѣшился высмотрѣть, гдѣ я и что я? Понялъ наконецъ. Вѣдь я сижу верхомъ на плечахъ. Но на комъ? Это баба, не баба, существо во образѣ человѣка, дряхлое, неповоротливое, грязное, сонливое, сопѣлое. Всматриваюсь ближе. Это несчастный «дао ши» (монахъ ученія «Дао сы»); онъ тащитъ меня на спинѣ, словно мѣшокъ угля, едва передвигая ноги. Такъ вотъ для какой цѣли, вотъ въ чемъ дѣйствительно-то заключается столь пышно обѣщаемое будущее блаженство монахамъ. Вѣдь ихъ ученіе гласитъ, какъ рассказывалъ мнѣ мой родитель, что за всѣ горькія лишенія въ земной жизни, они награждаются сперва самоусовершенствованіемъ, потомъ высшимъ созерцаніемъ, и наконецъ, блаженнымъ самозабвеніемъ. А для чего всѣ эти хлопоты? для того, чтобы, наконецъ, дойти до состоянія выючнаго осла для грѣшнаго человечества. Но что-жъ это такое, тряска столь беспокойнаго экипажа меня бѣситъ. Да и зачѣмъ я нянчусь на плечахъ мозгляваго монаха, вѣдь я не въ когтяхъ бѣшенаго тигра. Прочь его! Я выпрыгнулъ съ его щедушныхъ плечъ. Внезапно облегченный отъ ноши, обрадованный старикъ выпрямился, какъ будто помолодѣлъ, видимо признательный моему великодушному одолженію. За то впослѣдствіи онъ не разъ выручалъ меня отъ тяжелой отвѣтственности передъ «Лао цзы»...

На этихъ словахъ нашъ сотрапезникъ долженъ былъ прекратить свою декламацию, увидѣвъ, что почти всѣ столы опустѣли. Было поздно. И мы, послѣ необходимыхъ взаимныхъ поклоновъ и прощальныхъ церемоній съ гостепріимнымъ хозяиномъ, разѣхались по домамъ.